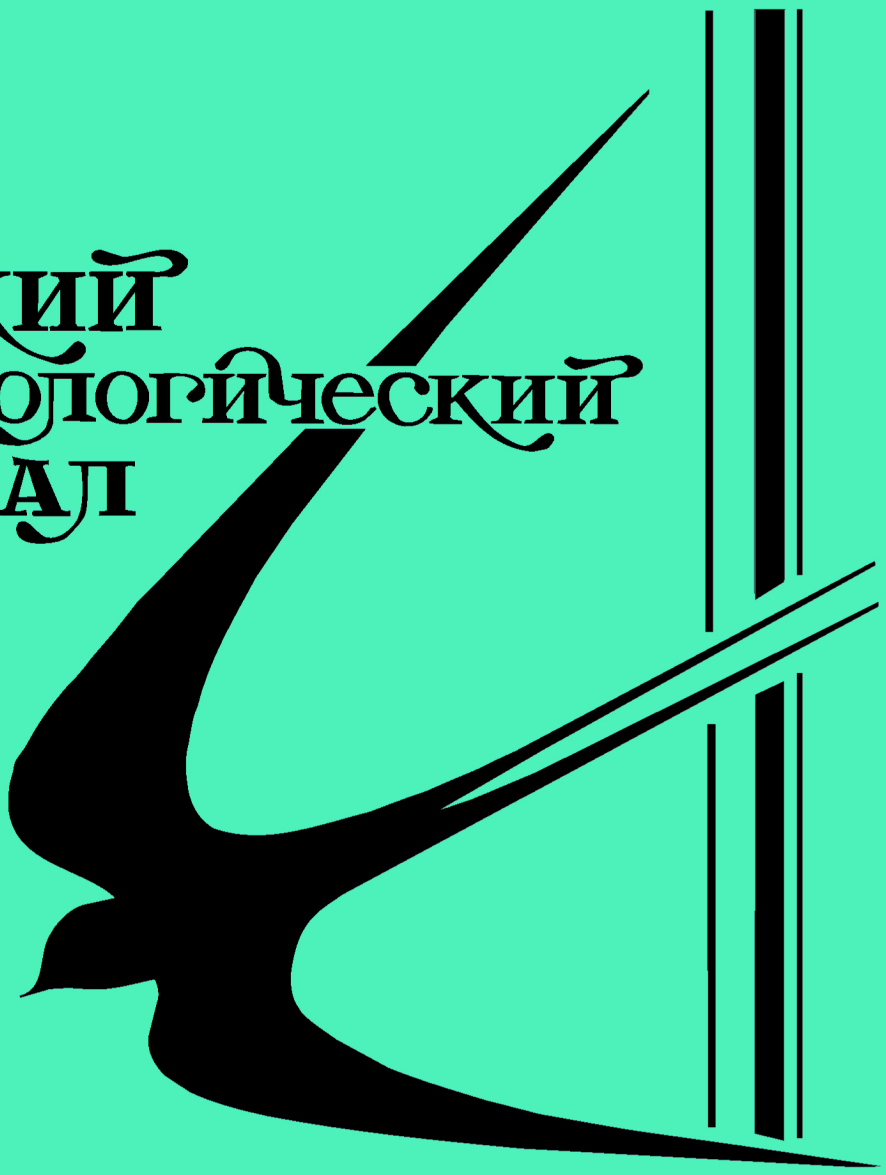
ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2007
XVI



ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК

342

EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издается с 1992 года

Том XVI

Экспресс-выпуск • Express-issue

2007 № 342

СОДЕРЖАНИЕ

99-112 История орнитологических исследований в Псковской области в послевоенный период. 1. 1946-1960 годы. С.А.ФЕТИСОВ

113-115 Ещё одна старая ошибка в определении азиатского бекасовидного веретенника *Limnodromus semipalmatus*. Ю.И.МЕЛЬНИКОВ

115-121 О гнездовой жизни сорокопута-жулана *Lanius collurio*. И.В.ПРОКОФЬЕВА

122-124 Сведения о размещении перевесов как материалы для оценки обилия водоплавающих птиц в историческое время. С.В.КИРИКОВ

125-126 Галки *Corvus monedula* с гипертрофированным надклювьем. К.Ю.ДОМБРОВСКИЙ

126-127 Осенний залёт бургомистра *Larus hyperboreus* в Северный Казахстан. Н.Н.БЕРЕЗОВИКОВ

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

© Русский орнитологический журнал, 2007
Дата опубликования: 22 января 2007

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XVI
Express-issue

2007 № 342

CONTENTS

99-112 The history of ornithological researches in the Pskov Region after World War II. 1. 1946-1960. S.A.FETISOV

113-115 Yet another old mistake in identification of Asian dowitcher *Limnodromus semipalmatus* clutch. Yu.I.MEL'NIKOV

115-121 To breeding biology of the red-backed shrike *Lanius collurio*. I.V.PROKOFJEVA

122-124 Data on distribution of «pereves»-trap as estimators of waterfowl numbers in historical epoch. S.V.KIRIKOV

125-126 The records of free-living jackdaws *Corvus monedula* with abnormal bills. K.Y.DOMBROWSKI

126-127 Autumn record of vagrant glaucous gull *Larus hyperboreus* in Northern Kazakhstan. N.N.BEREZOVIKOV

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2007

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2007, Том 16, Экспресс-выпуск **342**: 99-112*

История орнитофаунистических исследований в Псковской области в послевоенный период. 1. 1946-1960 годы

С.А.Фетисов

Балтийский фонд природы Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034; Национальный парк «Себежский», ул. 7 Ноября, 22, Себеж, Псковская область, 182250, Россия

Поступила в редакцию 25 января 2006

После окончания Великой Отечественной войны (1941-1945) в Псковской области в орнитологии быстрее всех возродилось фаунистическое (эколого-фаунистическое) направление. Несомненно, это произошло благодаря богатейшему наследию, оставленному Н.А.Зарудным и его единомышленниками. Даже спустя 70 лет после выхода в свет книги Н.А.Зарудного (1910) «Птицы Псковской губернии», т. е. в 1980-х годах, орнитологи единодушно разделяли мнение, высказанное А.С.Мальчевским (1982): «…книга Н.А.Зарудного – это лучшее, что мы имеем по птицам Псковской области до сих пор»*. Поэтому вполне понятно, почему большинство первых орнитологических работ в послевоенный период выполнено не только в духе и традициях старой классической школы, но даже в тех же самых местах, где работал Зарудный со своими коллегами – в окрестностях Пскова, в дельте реки Великой и на восточном побережье Псковского озера.

Тем не менее, хотя и не сразу, в послевоенное время возникли и другие, совершенно новые подходы к орнитофаунистическим исследованиям, постепенно завоевавшие признание. Орнитологические работы стали проводиться с помощью прижизненных методик: на смену ружью пришли фотоаппарат, киноаппарат, магнитофон, а затем и видеокамера. Развивались методы индивидуального и массового отлова птиц для прижизненных исследований и кольцевания. Для более точного определения статуса вида† стали учитывать все особенности территориального поведения птиц, свойственные особям разных половых и возрастных групп, и выяснять такие особенности экологии и поведения путём наблюдений за индивидуально мечеными особями. Работы с широким использованием мечения птиц развернулись с начала

* В 2003 г. второе издание этой работы опубликовано в «Русском орнитологическом журнале»: Зарудный Н.А. 2003. Птицы Псковской губернии // *Рус. орнитол. журн.* **12**: 903-913, 939-957, 975-983, 1011-1021, 1047-1066, 1083-1092, 1119-1129, 1155-1170, 1191-1202, 1227-1240, 1263-1273.

† Характера пребывания вида в рассматриваемом регионе.

1960-х годов на полевых стационарах кафедры зоологии Псковского государственного педагогического института им. С.М.Кирова (ПГПИ) в Гдовском и Псковском районах, а в 1970-1980-х – на стационарах кафедры зоологии позвоночных Ленинградского государственного университета им. А.А.Жданова (ЛГУ) в Печорском и Себежском районах. В изданные впоследствии атласы кольцевания по Калининградской и Ленинградской областям (Паевский 1971; Резвый и др. 1995) частично вошли и данные кольцевания птиц в Псковской области.

Скорому началу орнитофаунистических работ после войны способствовало множество обстоятельств. Это и возрождение коллектива орнитологов в Псковском пединституте, в чём несомненная заслуга принадлежит М.М.Мешкову, и общий подъём орнитологических исследований на Северо-Западе СССР, включая Прибалтику.

Огромное значение для координации совместных усилий энтузиастов сыграло создание в 1955 году Прибалтийской комиссии по изучению миграций птиц под руководством Э.В.Кумари. Псковские орнитологи С.И.Леус и М.М.Мешков в 1959 году также вошли в состав этой Комиссии (Мешков 1960). После этого началось целенаправленное, по единой научной программе, разработанной Комиссией, изучение осенних миграций и проведение массового кольцевания птиц на восточном берегу Псковско-Чудского озера.

Другим важным организующим центром для псковских орнитологов стала основанная в 1958 году Северная орнитологическая станция при Кандалакшском заповеднике, в задачи которой входило изучение орнитофауны Европейского Севера РСФСР: организация массового кольцевания, сбор сведений о распространении и численности птиц путём широкого привлечения к этой работе школьников, охотничьих и лесных организаций и многие другие вопросы. С 1959 г. Северная орнитологическая станция разрабатывала такие темы, как «Размещение и численность редких птиц и зверей в северной полосе Европейской части РСФСР» и «Размещение и численность основных видов охотничьих зверей и птиц на территории Севера Европейской части РСФСР», включая Псковскую область (Карпович 1961а).

Весьма благоприятным условием развития фаунистических исследований в Псковской области была постоянная возможность у орнитологов обмениваться профессиональной информацией и критически обсуждать её с коллегами. Это помогало правильнее оценивать результаты исследований и своевременно приступать к решению новых, в том числе насущных практических задач, которые ставило перед наукой государство. Такому общению немало способствовало регулярное проведение Прибалтийских и Всесоюзных орнитологических конференций и разных научных совещаний, а также публикация научных ежегодников, в первую очередь «Сообщений Прибалтийской комиссии

по изучению миграций птиц» (Тарту) и «Орнитологии», основанной В.Ф.Ларионовым в серии трудов Московского университета. Важным событием для орнитологов всего Северо-Запада стало начало издания трудов Ленинградского отделения Всесоюзного орнитологического общества, что оказалось возможным благодаря энтузиазму и неустанным заботам Р.Л.Потапова – их редактора и председателя общества в те годы.

К сожалению, в период «перестройки» орнитологи временно лишились этих своих главных «трибун». Однако вскоре стали возникать и новые. С 1996 года в Пскове ежегодно проводятся региональные общественно-научные конференции с международным участием, организуемые Псковским отделением Русского географического общества, Управлением природных ресурсов и охраны окружающей среды МПР России по Псковской области* и Псковским педагогическим институтом. В 1992 году А.В.Бардин создал «Русский орнитологический журнал», где свободно публикуются научные статьи по всем направлениям орнитологии (к началу 2007 г. в журнале опубликовано 2030 статей и кратких сообщений). В 1998 году С.А.Фетисов, при участии А.В.Бардина, начал издавать журнал «Природа Псковского края», где широко представлены и орнитологические работы†.

Анализируя опубликованные в послевоенный период работы, легко проследить, каков был спектр орнитофаунистических интересов в Псковской области, насколько тесно орнитофаунистика переплелась к 1970-1980-м годам с экологией, став инструментом для решения многих проблем не только теоретического, но и сугубо практического характера: от изучения физиологического состояния птиц и сроков протекания сезонных явлений в их жизни или использования птиц в качестве индикаторов состояния окружающей среды до оценки роли птиц в биоценозах, хозяйственного значения птиц для человека и др. С конца 1970-х годов орнитофаунистические исследования всё чаще были связаны с темой охраны птиц. Это направление повсеместно активизировалась после создания в 1955 году Комиссии по охране природы АН СССР, преобразованной позднее во Всесоюзный научно-исследова-

---

* Ныне Управление Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Псковской области.

† Сначала в журнале «Природа Псковского края» публиковались преимущественно результаты исследований Псковского полевого отряда Балтийского фонда природы Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. В 1998-2004 гг., при поддержке БФП СПбОЕ, Всемирного Фонда Дикой Природы (WWF) и программы Tacis, Госкомэкологии, Комитета природных ресурсов по Псковской области, национального парка «Себежский», Псковского управления лесами, Управления по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных Псковской области и правительства Дании (DANCEE), удалось издать 17 выпусков журнала. Всего в них содержится 111 статей, из них 26 – о птицах. В 2005 г. было принято решение регулярно использовать этот журнал и для издания материалов, собранных при поддержке Управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Псковской области.

тельский охраны природы и заповедного дела Министерства сельского хозяйства СССР. Кроме того, фаунистические исследования активно велись и в рамках работы над проблемой «Биологические основы освоения, реконструкции и охраны животного мира». Из-за возросшей необходимости рационального использования и охраны биологического разнообразия орнитологи сконцентрировали свои усилия сначала на защите от истребления хищных и рыбоядных птиц, потом – на изучении размещения и закономерностей динамики численности самых разных видов для выявления среди них редких и исчезающих птиц, нуждающихся в особой охране. С такой целью, помимо преподавателей Псковского подинститута, в области направленно работали ещё две группы ленинградских орнитологов: с 1980 г. – полевой отряд ЛГУ, а с 1996 г. ему на смену пришел Псковский полевой отряд БФП СПбОЕ. Кроме них, на стационаре «Борки» в Псковском районе ещё раньше начали работать специалисты Западного отделения ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства (ВНИИОЗ) под руководством Н.В.Проворова, а потом О.С.Русакова, но их задачи сводились в основном к изучению экологии охотничьих видов и разработке рекомендаций по сохранению и использованию запасов главным образом куриных и водоплавающих птиц.

Важную роль в орнитофаунистических исследованиях в Псковской области сыграли работы, связанные с ведением Государственного кадастра животного мира СССР, подготовкой «Красной книги РСФСР» (1985) и новой «Красной книги России» (Животные)*, опубликованной в 2001 г., а также созданием и реорганизацией сети ООПТ для сохранения редких видов и природных комплексов†. Выполнение всех упомянутых мероприятий потребовало как разработки, так и периодического обновления различных баз данных, в том числе по орнитофауне и отдельно по редким и подлежащим охране видам. Это стимулировало орнитологов работать не только в окрестностях своих полевых стационаров в Гдовском, Псковском, Печорском и Себежском районах, но и совершать экспедиции в другие, в том числе и отдаленные районы области для фаунистического обследования новых территорий, описания локальных орнитокомплексов и поиска новых мест обитания редких

* Ведение Государственного кадастра животного мира СССР было предусмотрено Постановлением СМ СССР от 28 апреля 1984 г. № 373; ведение Красной книги Российской Федерации – Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 февраля 1996 г. № 158.

† По состоянию на 2000 г. общая площадь особо охраняемых природных и историко-культурных территорий со значительной природной составляющей достигла в Псковской области 891 тыс. га. По доли площади ООПТ относительно общей территории (16.1%) область занимала одно из первых мест среди субъектов Российской Федерации и значительно превосходила другие области Северо-Западного региона (Забелина и др. 1998; Мусатов 1999а).

видов птиц. Одновременно с этим – по мере расширения географии орнитофаунистических исследований – постоянно умножались и крепли связи профессиональных орнитологов с сотрудниками областных и районных природоохранных организаций Псковской области вплоть до того, что в 1980-х годах начались их совместные работы по сохранению ценных местообитаний и редких видов птиц.

Однако такая благоприятная для развития орнитофаунистики ситуация продолжалась лишь до середины 1990-х годов. В период начавшейся перестройки в России резко сократились штаты сотрудников районных природоохранных структур, служивших ядром респондентской сети для проведения областных учётов птиц*, и начали свёртываться плановые научные работы в вузовских и академических организациях из-за проблем с финансированием их полевых исследований. Полного «обвала» орнитофаунистических работ в Псковской области не произошло только благодаря энтузиазму орнитологов, сформировавших общественные творческие коллективы и предложивших свои услуги Госкомэкологии Псковской области, который остался на некоторое время практически единственным заказчиком на натурные фаунистические обследования территорий в Псковской области. Поэтому большая заслуга в межотраслевой координации и функциональном регулировании в области сохранения биологического разнообразия, включая орнитокомплексы, редкие виды птиц и их местообитания, принадлежала с начала перестройки именно Госкомэкологии Псковской области†, в частности, в лице В.Ю.Мусатова, и, отчасти, региональному Управлению по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных (начальник Управления С.Ю.Иванов).

Основными исполнителями «орнитологических» заказов Госкомэкологии Псковской области в первой половине 1990-х годов были зоологи Биологического НИИ СПбГУ, во второй половине 1990-х годов и в начале XXI в. – БФП СПбОЕ. Отношения между ними строились преимущественно по типу хоздоговорных обязательств и поэтому часто осложнялись из-за недостатка финансовых средств у заказчика. Тогда был предпринят поиск новых форм взаимодействия между заказчиком и исполнителем, весьма повысивший объём и эффективность фаунистических исследований. Новшества во взаимодействиях свелись в основном к двум моментам: 1) предварительному согласованию темы заказа с собственными планами НИР исполнителя и корректировкой

* Например, в 1994 г. при проведении очередного Международного учёта численности белого аиста районными координаторами учёта аистов были сотрудники Госкомэкологии Псковской области (Фетисов, Черевичко 1996).

† Позднее, после её упразднения и ряда реорганизаций, эти функции выполняли Комитет природных ресурсов по Псковской области, Управление природных ресурсов и охраны окружающей среды МПР России по Псковской области, и, наконец, Управление Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Псковской области.

отдельных, «компромиссных» пунктов в техническом задании к заказу, которая была бы выгодна для исполнителя и компенсировала бы недостаток финансирования заказа собственным интересом исполнителя к выполнению темы; 2) совместному выполнению заказа силами исполнителя и самого заказчика, а иногда и дополнительных территориальных подразделений других специально уполномоченных государственных органов в области охраны животного мира, а также сторонних организаций (Мусатов, Фетисов 1998). Такой подход к взаимодействию сторон, в силу их обоюдной заинтересованности, обеспечил не только необходимое качество фаунистических исследований, но и значительно снизил затраты на фаунистическое обследование Псковской области в 1990-х годах. Именно так – совместно с Госкомэкологии Псковской области и Псковоблохотуправлением – Псковский полевой отряд БФП СПбОЕ провел областные учёты целого ряда редких птиц и выполнил большинство исследований на ООПТ.

В конце XX века Псковская область присоединилась к Общественному договору о сохранении живой природы России (Мусатов 1999а). На её территории было создано три ООПТ федерального значения: государственный заповедник «Полистовский», национальный парк (НП) «Себежский» и рамсарское водно-болотное угодье (ВБУ) «Псковско-Чудская приозёрная низменность». В их проектировании и дальнейшем обустройстве принимали активное участие орнитологи не только из Пскова и ведомственных проектных организаций, но и из научных организаций Санкт-Петербурга и Москвы. В настоящее время перечисленные ООПТ сами стали центрами развития орнитофаунистики на северо-западе, востоке и юго-западе Псковской области (Мусатов 2001). В последнее десятилетие в них неоднократно проводились орнитофаунистические исследования на международном уровне, в частности, по совместным программам двух российско-датских, а также российско-французского и российско-финского проектов. Всё большее значение для укрепления такого сотрудничества приобретают международные конвенции, например, об охране водно-болотных угодий, объектами которых являются птицы или их местообитания. Появилась надежда, что наладив комплексный мониторинг фауны, псковские ООПТ федерального значения станут нашими постоянными источниками постоянно обновляемых орнитофаунистических знаний о Псковской области и, соответственно, о таких физико-географических провинциях, как Прибалтийская и Белорусско-Валдайское Поозерье, в пределах которых расположена Псковская область.

Таковы основные, на взгляд автора, социальные условия, в которых развивались орнитофаунистические исследования в Псковской области после окончания Великой отечественной войны вплоть до наших дней. Несомненно, эти условия сыграли очень важную и порой определяю-

щую роль в истории всех орнитофаунистических работ в этом регионе, что подтверждается многочисленными конкретными событиями, изложенными ниже.

1946-1950-е годы

Орнитологические работы, способствовавшие возрождению орнитофаунистики в Псковской области

В послевоенный период была продолжена систематизация фаунистических материалов, собранных на обширной территории СССР. Она завершилась, как известно, изданием шеститомной коллективной монографии «Птицы Советского Союза» (1951-1954) под редакцией Г.П.Дементьева и Н.А.Гладкова. В каждом томе этой сводки, наряду с прочими, приведены многочисленные факты по фауне и экологии птиц Псковской области (губернии). Часть этих сведений помогла уточнить границы областей распространения и гнездования многих видов птиц (белого аиста, сплюшки, домового сыча, среднего пёстрого дятла и др.); другая часть – пополнить списки залётов (кваквы, белой совы, золотистой щурки и др.) в европейскую часть РСФСР; третья – дать более детальное описание территориальных связей птиц по данным кольцевания; и т.д.

Несмотря на то, что массовое кольцевание птиц на Северо-Западе РСФСР и в Прибалтике началось лишь в конце 1950-х годов, в Бюро кольцевания и раньше поступали сведения от охотников и любителей из Псковской области, сообщавших о повторных встречах птиц, помеченных в других странах*. Благодаря этому подобная информация попала во многие обобщающие статьи по территориальным связям у серой цапли (Спангенберг 1951; Дементьев 1953; Исаков 1957), чирка-трескунка (Рябов 1957, 1959, 1960), тетеревятника и канюка (Тауриньш, Вилкс, Михельсон 1953), тетеревятника, пустельги и скопы (Лебедева, Шеварева 1960), орлана-белохвоста (Дементьев 1951), чибиса и турухтана (Лебедева 1957), озёрной чайки (Йыги 1957), скворца (Поливанов 1957; Лебедева 1959а), чёрного дрозда (Тауриньш 1957). Несомненный интерес среди подобных сведений (помимо редких видов) представляют данные о встрече моевки на озере Невель (Дементьев

---

* Об одной помеченной крякве, двух чирках-свистунках и скворце сообщалось также в местной печати:

Егоров Н. Гостья из Парижа // Газета «Молодой ленинец». Псков. 13 мая 1958 г. № 59 (120). С. 4.

Захаров В. Посланец из Лондона // Газета «Псковская правда». 5 июля 1959 г. № 133 (10364). С. 4.

Окольцована в Париже // Там же. 23 августа 1959 г. № 168 (10399). С. 4.

Светлов А. Гостья из Парижа // Там же. 20 сентября 1959 г. № 189 (10420). С. 4.

1955): они позволяют включить моевку в список залётных птиц Псковской области.

В послевоенные годы, наконец, завершилась централизация кольцевания птиц в СССР. С 1958 г. все данные о помеченных птицах стали поступать в Центр кольцевания; возобновилась публикация результатов кольцевания птиц в европейской части СССР (Шеварева 1968). В Псковской области, как и в других регионах, к мечению птиц привлекались учителя, школьники, охотники, любители природы. С ними контактировали сотрудники созданных при заповедниках орнитологических станций: Центральной – при Окском заповеднике и Северной – при Кандалакшском (Карпович 1961а; Бианки 1963а). Например, в 1959-1960 гг. по заданию Северной станции школьники Псковской области окольцевали 2972 молодых скворца (Бианки 1968). Кроме того, с 1958 г. по инициативе В.П.Теплова, члена Совета по изучению миграций птиц, в кольцевании водоплавающих птиц стали принимать участие государственные охотничьи инспекции (Ильичёв и др. 1976). Так, в 1959 г. егерями Госохотинспекции в Псковской области было окольцовано 95 крякв (Мешков 1961а).

Помимо массового кольцевания, конец 1950-х годов ознаменовался началом проведения широкомасшабных количественных учётов птиц, охвативших всю территорию Псковской области. Во-первых, Комиссия по охране природы АН СССР организовала в 1958 г. проведение на территории РСФСР Второго международного учёта численности белого аиста путём анкетного обследования. В Псковской области в нём приняли участие сотрудники регионального Управления по делам охотничьего хозяйства и ПГПИ, учителя и школьники, лесники, охотники. Они насчитали 1600 аистов и 426 их жилых гнезд (Лебедева 1959б, 1960; Мешков 1961а). Во-вторых, Северная орнитологическая станция Главохоты РСФСР провела в 1959-1960 гг. сразу три учёта: один (первый пробный учёт) – боровой дичи на Севере европейской части России (Карпович 1961б), другой – редких и исчезающих видов наиболее важных в хозяйственном отношении птиц; третий (силами школьников) – численности скворцов, гнездившихся в населённых пунктах (Бианки 1963а). В-третьих, Центральная орнитологическая станция при Окском заповеднике совместно с Главохотой РСФСР и Правлением Росохотсоюза организовала в 1960 г. анкетный учёт добычи охотников (Бианки 1963а).

К концу 1950-х годов в Псковской области начали проводиться и международные исследования, в которых существенную помощь Псковским орнитологам оказали их эстонские коллеги. В 1958 г. в окрестностях деревни Пнево на восточном берегу озера Тёплое был организован наблюдательный пункт для изучения осенних миграций птиц сотрудниками Института зоологии и ботаники АН ЭССР (Вероман 1961). По

данным Э.В.Кумари (1961), согласно решению V пленарного заседания Прибалтийской комиссии по изучению миграций птиц, осенью 1960 г. на восточном побережье оз. Тёплое было оборудовано 2 из 38 наблюдательных пунктов, предназначенных для наблюдений за миграциями птиц в Прибалтике и соседних областях. В том же году на одном из наблюдательных пунктов (у дер. Мтеж) работали зоологи ПГПИ, а на другом (возле дер. Пнево) – сотрудники Института зоологии и ботаники АН ЭССР.

Орнитофаунистические и эколого-фаунистические исследования Псковского педагогического института

В 1947 году сотрудники кафедры зоологии ПГПИ под руководством М.М.Мешкова возобновили орнитологические исследования в окрестностях Пскова и на Псковско-Чудском озере. В первые годы они в основном собирали материал по весеннему прилёту птиц* и особое внимание уделяли изучению водоплавающих птиц (Мешков 1961а, 1973, 1974; Мешков, Урядова 1970; и др.), т. е. продолжили традиционные наблюдения, проводившиеся в этом же районе с 1897 по 1911 и с 1924 по 1938 год. Соответственно, и первые научные статьи по орнитологии в послевоенный период – это публикации М.М.Мешкова (1956, 1958), подводившие итоги фенологическим наблюдениям в Псковском районе в 1947-1954 годах. В них сообщалось о сроках прилёта более чем 70 видов птиц†. Кроме того, М.М.Мешков описал случаи зимовки у рябинника, скворца, грача и зяблика. Среди его интересных в фаунистическом отношении наблюдений в окрестностях Пскова следует отметить: на весеннем пролёте – встречи выпи, скопы, сапсана, полевого луня, дербника, пустельги, погоныша, коростеля, травника, чернозобика, турухтана, большого кроншнепа, сизоворонки, удода, хохлатого жаворонка, сверчка и дроздовидной камышевки, а в период размножения – волчка, камышницы, полевого конька, чёрного дрозда, варакушки‡. В августе 1954 г. М.М.Мешков принял участие в наблюдениях за происходившей тогда инвазией сибирских ореховок в Псковском и Дедовичском районах (Кумари 1960).

С 1952 года на восточном побережье и островах Псковско-Чудского озера начали проводить систематические наблюдения за осенним пролётом птиц: в 1952-1954 гг. – в дельте Великой (возле деревень Горка,

---

* К орнитофенологическим работам привлекались также натуралисты-любители и учителя-биологи (Мешков 1961а).

† Аналогичные сведения по некоторым видам опубликованы в фенологической сводке «Календари природы Северо-Запада СССР. 1939-1960 гг.» Л. 1965. 72 с. Помимо того, И.А.Столбов (1972) использовал часть данных М.М.Мешкова для сравнения с собственными орнитофенологическими наблюдениями в Риге.

‡ В апреле 1960 г. А.И.Йыги (1961) дополнил сведения о 36 видах птиц, встреченных им в устье р. Великой.

Большая Листовка, Муровицы и Молгово), в 1955 – в Раскопельской бухте, в 1956 – на острове Семск, в 1957 – снова в дельте, в 1958 – на островах Каменка и Большие Сельцы, в 1959 – в районе деревень Мтеж, Курокша и Осотно (Мешков 1961а; и др.)*. Пионерами этих работ были преподаватели Псковского педагогического института М.М.Мешков и С.И.Леус (Урядова 2002; и др.).

В 1956 году псковские орнитологи стали работать по программе и инструкции, разработанной Э.В.Кумари (1955) и утверждённой Прибалтийской комиссией по изучению миграций птиц. В результате они собрали весьма значительный материал для всесторонней характеристики озёр Псковское и Тёплое – важных мест для северных популяций речных и нырковых уток на Прибалтийском миграционном пути. В частности, они определили современный (для тех лет) видовой состав, районы концентрации и численность отдельных видов водоплавающих птиц на отдыхе и кормёжке; изучили сроки их миграций по годам, характер формирования стай, кормовые особенности водоёма и т.д. (Леус, Мешков 1957, 1959; Леус 1960, 1961; Мешков 1961а; Урядова 2002). Из других наблюдений тех лет специального упоминания заслуживают описания осеннего пролёта сизоворонки и инвазий сибирской ореховки и пуночки (Мешков 1960).

В 1957 году преподаватели и студенты ПГПИ начали более широкие исследования по экологии птиц (в основном воробьиных), охватившие также период размножения. С середины мая до конца июня они проводили учёты птиц на пробных площадках, изучали сроки размножения, величину кладок и успешность гнездования (Мешков, Урядова 1963). В 1959 г. опубликована статья М.М.Мешкова (1959) с описанием серой цапли в качестве главного хозяина метацеркария сосальщика *Posthodiplostomum cuticola*, вызывающего чернопятнистое заболевание рыб в Псковско-Чудском водоёме.

Наряду с этим ежегодно возобновлялись и осенние экспедиции в районы деревень Мтеж, Курокша и Осотно, причём с 1959 г. их тематика была существенно расширена: наряду с водоплавающими птицами началось всестороннее изучение осенних перемещений воробьиных, хищных и других птиц; определение последовательности массового появления на пролёте отдельных видов; массовое кольцевание мигрантов в окрестностях дер. Мтеж (Мешков 1961а,б,в, 1963; Урядова 1976; Урядова, Щеблыкина, Борисов 2002; и др.). Осенью 1959 г. было окольцовано 105 воробьиных птиц, весной 1960 г. – ещё 114 (Мешков 1961а).

---

* История этих наблюдений описывалась на страницах местной печати:
Леус С. Летят перелётные птицы // Газета «Псковская правда». 5 октября 1958 г. № 197 (10170). С. 4.
Мешков М. На птичьем тракте // Там же. 5 ноября 1960 г. № 260 (10750). С. 4.

Часть материалов, собранных псковскими орнитологами в 1950-х годах, была востребована для написания общих работ, касающихся характеристики миграций птиц в Балтийском регионе. Так, в 1959 г., по данным ряда исследователей, в число которых вошел и преподаватель ПГПИ С.И.Леус, была детально описана миграция длиннохвостой синицы на всём Северо-Западе СССР (Бианки 1963б, 1967). Другие данные псковичей: С.И.Леуса, М.М.Мешкова, Л.П.Урядовой и др. – были использованы со ссылкой на них или опубликованы в соавторстве в работах, выполненных на Биологической станции Зоологического института АН СССР на Куршской косе (Блюменталь и др. 1963; Дольник 1967; Паевский 1967; Блюменталь 1971). Некоторые сведения о колониях серой цапли в Невельском и Пушкиногорском районах, которые С.И.Леус письменно сообщил в 1957 г. Э.В.Кумари, спустя более 20 лет попали в одну из статей его эстонских коллег Х.Вероманна и Л.Роотсмяэ (1981).

Литература

Бианки В.В. 1963а. 5 лет работы Северной орнитологической станции // *Тез. докл. 5-й Прибалт. орнитол. конф.* Тарту: 12-14.

Бианки В.В. 1963б. О перемещениях длиннохвостых синиц на Северо-Западе СССР // *Орнитология* 6: 466.

Бианки В.В. 1967. Миграция ополовника *(Aegithalos caudatus)* осенью 1959 г. на Северо-Западе СССР // *Сообщ. Прибалт. комис. по изучению миграций птиц* **4**: 92-100.

Бианки В.В. 1968. Результаты кольцевания скворцов на Северо-Западе РСФСР // *Сообщ. Прибалт. комис. по изучению миграций птиц* **5**: 110-121.

Блюменталь Т.И. 1971. Формирование осеннего миграционного состояния в природе у некоторых воробьиных птиц (биоэнергетический аспект) // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **50**: 111-182.

Блюменталь Т.И., Дольник В.Р., Зимин В.Б., Носков Г.А., Урядова Л.П., Шильдмахер Х. 1963. Широтные географические различия в соотношении и сроках линьки, предмиграционного жироотложения и начала осенней миграции у зяблика // *Тез. докл. 5-й Прибалт. орнитол. конф.* Тарту: 19-21.

Вероман Х. 1961. Об осенней миграции птиц на восточном берегу Чудского озера в 1958 году // *Ornitoloogiline Kogumik* **2**: 114-129.

Вероман Х., Роотсмяэ Л. 1981. Краткий обзор о распространении колоний серых цапель и грачей в Эстонии // *Сообщ. Прибалт. комис. по изучению миграций птиц* **12**: 169-174.

Дементьев Г.П. 1951. Отряд Хищные птицы // *Птицы Советского Союза.* М., **1**: 70-341.

Дементьев Г.П. 1953. Материалы к вопросу о сезонном размещении и перелётах голенастых птиц по данным кольцевания в СССР // *Перелёты птиц в Европейской части СССР.* Рига: 103-108.

Дементьев Г.П. 1955. Миграции моевки (*Rissa tridactyla* L.) по данным кольцевания птиц в СССР // *Тр. Бюро кольцевания* **8**: 22-32.

Дольник В.Р. 1967. Географические различия в сроках и соотношении линьки и осенней миграции у зяблика // *Итоги орнитологических исследований в Прибалтике*. Таллин: 247-255.

Забелина Н.М., Исаева-Петрова Л.С., Очагов Д.М., Потапова Н.А., Русакова Н.М. 1998. *Охраняемые природные территории России. Бюл. Центра эколог. политики России*. М., **3**: 15-18.

Зарудный Н.А. 1910. Птицы Псковской губернии // *Зап. Импер. Акад. наук по физ.-мат. отд.* Сер. 8. **25**, 2: 1-181.

Ильичёв В.Д., Кумари Э.В., Лебедева М.И., Михеев А.В., Приклонский С.Г., Рахилин В.К. 1976. История кольцевания птиц на территории СССР // *Кольцевание в изучении миграций птиц фауны СССР*. М.: 6-22.

Исаков Ю.А. 1957. Сезонные миграции серых цапель (*Ardea cinerea* L.) по данным кольцевания в СССР // *Тр. Бюро кольцевания СССР* **9**: 46-87.

Йыги А.И. 1957. Миграция эстонской обыкновенной чайки по данным кольцевания // *Тр. 2-й Прибалт. орнитол. конф.* М.: 193-201.

Йыги А.И. 1961. Список птиц, встреченных на экскурсии в устье реки Великой 23 апреля 1960 года // *Сообщ. Прибалт. комис. по изучению миграций птиц* **1**: 67-69.

Календари природы Северо-Запада СССР: 1939-1960 гг. 1965. Л.: 1-72.

Карпович В.Н. 1961а. О работе Северной орнитологической станции // *Сообщ. Прибалт. комис. по изучению миграций птиц* **1**: 43-51.

Карпович В.Н. 1961б. Учёт численности боровой дичи маршрутным методом на больших площадях силами лесной охраны лесхозов и леспромхозов // *Вопросы организации и методы учёта ресурсов фауны наземных позвоночных*. М.: 104-106.

Красная книга Российской Федерации. (Животные). 2001. М.: 1-862.

Красная книга РСФСР. (Животные). 1985. М.: 1-454.

Кумари Э.В. 1955. *Инструкция для изучения миграции птиц*. Тарту: 1-35.

Кумари Э.В. 1960. Налёт сибирских ореховок *Nucifraga caryocatactes macrorhynchos* в европейскую часть СССР осенью 1954 года // *Тр. проблемных и тематических совещаний Зоол. ин-та АН СССР* **9**: 119-128.

Кумари Э.В. 1961. О проведении очередных международных наблюдений за миграциями птиц осенью 1960 г. // *Сообщ. Прибалт. комис. по изучению миграций птиц* **1**: 5-11.

Лебедева М.И. 1957. Результаты кольцевания некоторых видов куликов // *Тр. Бюро кольцевания* **9**: 290-310.

Лебедева М.И. 1959а. О гибели скворцов весной 1957 г. // *Миграции животных* **1**: 141-146.

Лебедева М.И. 1959б. Учёт численности белого аиста в СССР // *2-я Всесоюз. орнитол. конф.: Тез. докл.* М., **2**: 26-28.

Лебедева М.И. 1960. О численности белого аиста в СССР // *Орнитология* **3**: 413-419.

Лебедева М.И., Шеварёва Т.П. 1960. К вопросу о миграциях дневных хищных птиц в СССР // *Миграции животных* **2**: 100-127.

Леус С.И. 1960. О размещении и питании на пролёте водоплавающих птиц в Псковской области // *Тез. докл. 4-й Прибалт. орнитол. конф.* Рига: 62-63.

Леус С.И. 1961. Общая характеристика миграции водоплавающих птиц на Псковском озере осенью 1956, 1958 и 1959 гг. // *Экология и миграции птиц Прибалтики*. Рига: 207-213.

Леус С.И., Мешков М.М. 1957. Некоторые особенности миграции водоплавающих птиц в юго-западной части Псковского озера (по наблюдениям с 1953 по 1956 гг.) // *3-я Прибалт. орнитол. конф.: Тез. докл.* Вильнюс: 41-42.

Леус С.И., Мешков М.М. 1959. Псковское озеро как пролётный пункт водоплавающих птиц // *2-я Всесоюз. орнитол. конф.: Тез. докл.* М., **2**: 83-84.

Мальчевский А.С. 1982. Региональные очерки истории изучения фауны птиц СССР. Северо-Запад европейской части СССР // *Птицы СССР. История изучения. Гагары, поганки, трубконосые*. М.: 43-48.

Мешков М.М. 1956. О прилёте птиц в Псковской области // *Ежегодник общ-ва естествоиспыт. при АН ЭстССР* **49**: 75-86.

Мешков М.М. 1958. О прилёте птиц в Псковской области (Материалы к фенологическим наблюдениям) // *Учён. зап. Псков. пед. ин-та* **5**: 183-195.

Мешков М.М. 1959. Чернопятнистое заболевание рыб в Псковско-Чудском водоёме // *Зоол. журн.* **38**, 2: 285-286.

Мешков М.М. 1960.Осенние пролёты воробьиных птиц в районе Псковско-Чудского озера // *Тез. докл. 4-й Прибалт. орнитол. конф.* Рига: 68-69.

Мешков М.М. 1961а. Орнитологические работы в Псковской области // *Сообщ. Прибалт. комис. по изучению миграций птиц* **1**: 17-27.

Мешков М.М. 1961б. Осенний пролет воробьиных птиц в районе Псковско-Чудского водоёма // *Экология и миграции птиц Прибалтики*. Рига: 199-206.

Мешков М.М. 1961в. Осенний пролёт воробьиных птиц в районе Псковско-Чудского озера // *Материалы 5-й науч. конф. Псков. пед. ин-та*. Псков, **8**: 32-33.

Мешков М.М. 1963. Осенний пролёт птиц в 1959-1961 гг. на восточном побережье Псковского озера // *Сообщ. Прибалт. комис. по изучению миграций птиц* **2**: 43-58.

Мешков М.М. 1973. Орнитологические исследования в Псковской области // *Ориентация и территориальные связи популяций птиц*. Рига: 110-111.

Мешков М.М. 1974. Развитие орнитофаунистических работ в Псковской области // *Ornitoloogia ajaloost Baltikumis. Ornitoloogiline kogumik*. Tallinn. **7**: 67-77.

Мешков М.М., Урядова Л.П. 1963. Материалы по гнездованию птиц в Псковской области // *Тез. докл. 5-й Прибалт. орнитол. конф.* Тарту: 122-125.

Мешков М.М., Урядова Л.П. 1970. Материалы по экологии птиц Псковской области // *Материалы 4-й науч. конф. зоологов пед. ин-тов*. Горький: 362-364.

Мусатов. В.Ю. 1999а. Псковская область присоединилась к Общественному договору о сохранении живой природы России // *Охрана дикой природы* **4** (15): 5-6.

Мусатов В.Ю. 2001. Роль новых особо охраняемых природных территорий Псковской области в сохранении биоразнообразия региона // *Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии*. Казань: 455-456.

Мусатов В.Ю., Фетисов С.А. 1998. Возможности оптимизации взаимодействия территориальных органов Госкомэкологии России с научно-исследовательскими организациями по сохранению биоразнообразия и созданию сети ООПТ (на примере Псковской области) // *Проблемы и перспективы сбалансированного развития в бассейне Псковско-Чудского озера: Материалы международ. обществ.-науч. конф. Ч. 1. Тезисы и статьи*. Псков: 33-35.

Паевский В.А. 1967. Популяционное распределение мигрирующих через Прибалтику зябликов // *Сообщ. Прибалт. комис. по изучению миграций птиц* **4**: 59-80.

Паевский В.А. 1971. Атлас миграций птиц по данным кольцевания на Куршской косе // *Экологические и физиологические аспекты перелётов птиц*. Л.: 3-110.

Поливанов В.М. 1957. Сезонное размещение и некоторые черты биологии скворца (*Sturnus vulgaris* L.) по данным кольцевания // *Тр. Бюро кольцевания* **9**: 215-241.

Птицы Советского Союза. 1951-1954. В 6 томах. М., **1**: 1-652; **2**: 1-480; **3**: 1-680; **4**: 1-640; **5**: 1-803; **6**: 1-792.

Резвый С.П., Носков Г.А., Гагинская А.Р. и др. 1995. *Атлас миграций птиц Ленинградской области по данным кольцевания*. СПб.: 1-232 (Тр. СПбОЕ **85**, 4).

Рябов В.Ф. 1957. Сезонное размещение и миграция чирка-трескунка (*Querquedula querquedula* L. // *3-я Прибалт. орнитол. конф.: Тез. докл.* Вильнюс: 81-84.

Рябов В.Ф. 1959. Сезонное размещение и миграция чирка-трескунка (*Querquedula querquedula* L.) // *Тр. 3-й Прибалт. орнитол. конф*. Вильнюс: 261-269.

Рябов В.Ф. 1960. Сезонное размещение и миграции чирка-свистунка // *Орнитология* **3**: 384-395.

Спангенберг Е.П. 1951. Отряд Голенастые птицы // *Птицы Советского Союза*. М., **2**: 350-475.

Столбов И.А. 1972. Двадцать шесть лет орнитофенологических наблюдений в Риге // *Тез. докл. 8-й Прибалт. орнитол. конф*. Таллин: 105-107.

Тауриньш Э.Я. 1957. Результаты кольцевания дроздов (*Turdus* sp.) // *Тр. Бюро кольцевания* **9**: 273-289.

Тауриньш Э.Я., Вилкс К.А., Михельсон Г.А. 1953. Сезонное размещение и миграция некоторых видов птиц по данным кольцевания орнитологической станции Академии Наук Латвийской ССР // *Перелёты птиц в европейской части СССР*. Рига: 57-102.

Урядова Л.П. 1976. Организации, ведущие кольцевание птиц в СССР. Псковский педагогический институт // *Кольцевание в изучении миграций птиц фауны СССР*. М.: 64-65.

Урядова Л.П. 2002. Мониторингу осенних миграций птиц на восточном берегу Псковско-Чудского водоёма – 50 лет // *Природные и культурные ландшафты: Проблемы экологии и устойчивого развития. Материалы общ.-науч. конф. с международ. участием*. Псков, **2**: 88-91.

Урядова Л.П., Щеблыкина Л.С., Борисов В.В. 2002. Итоги мечения птиц на территории водно-болотного угодья «Псковско-Чудская приозёрная низменность» в 1959-2001 годах // *Природные и культурные ландшафты: Проблемы экологии и устойчивого развития. Материалы общ.-научн. конф. с международ. участием*. Псков, **2**: 92-95.

Фетисов С.А., Черевичко В.И. 1996. Результаты Пятого международного учёта численности белого аиста *(Ciconia ciconia)* в Псковской области // *Северо-Запад России: проблемы экологии и устойчивого развития. Материалы научно-практич. конф. Ч. 1. Тезисы и статьи*. Псков: 141-168.

Шеварёва Т.П. 1968. Географические популяции кряквы в СССР // *Орнитология* **9**: 249-269.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2007, Том 16, Экспресс-выпуск **342**: 113-115*

Ещё одна старая ошибка в определении азиатского бекасовидного веретенника *Limnodromus semipalmatus*

Ю.И.Мельников

ФГУ Государственный природный заповедник «Байкало-Ленский»,
ул. Байкальская, д. 291Б, Иркутск, 664050, Россия. E-mail: zapoved@irk.ru

Поступила в редакцию 9 января 2007

Азиатский бекасовидный веретенник *Limnodromus semipalmatus* (Blyth, 1848) – очень редкий вид, включённый в Красные книги МСОП, Азии, России, Монголии, Китая и нескольких стран ближнего зарубежья (Мельников 2005). В связи с малым числом находок этих птиц при анализе материалов о распространении *L. semipalmatus* очень часто используются непроверенные факты, изложенные в старых публикациях (Долгушин 1962; Измайлов, Боровицкая 1973; Гынгазов, Миловидов 1977; Liedel 1982, 2001). Критический анализ такой информации проведён несколькими авторами (Liedel 1982, 2001; Мельников 1993, 2003, 2004). Однако в них нет указаний на ещё одну ошибку в определении азиатского бекасовидного веретенника.

Речь идёт о статье В.Иоганзена (1923) «Описание яиц и гнёзд птиц Сибири и прилежащих к ней стран». По коллекции П.А.Шастовского, приобретённой зоологическим кабинетом Томского университета, им было описано гнездо *L. semipalmatus*, найденной в окрестностях озера Сартлан (Чановские озёра). По утверждению автора находки, самка этого вида была убита от гнезда из-под собаки, однако её тушка в коллекции отсутствует.

Судя по описанию гнезда, а также величине кладки и размерам яиц, оно никак не может принадлежать вышеуказанному виду. В гнезде находилось 4 яйца, окрашенных как яйца большого веретенника *Limosa limosa*, со слабым блеском и грушевидной формы. Однако от яиц большого веретенника они отличались большей вытянутостью острой половины яйца. Размеры яиц данной кладки следующие, мм: 55.0×37.0, 55.8×36.5, 54.2×36.5 и 55.0×36.1.

У азиатского бекасовидного веретенника также, хотя и очень редко, встречаются кладки из 4 яиц, однако обычно полная кладка содержит 2 яйца (Мельников 1985, 1991). Проанализируем описание обсуждаемой кладки более подробно.

Яйца *L. semipalmatus*, по сравнению с яйцами *L. limosa*, имеют более овальную форму. При этом нужно заметить, что и у большого веретенника встречаются кладки с удлинёнными яйцами. Ряд наблюдений

показывает, что такие кладки обычно принадлежат молодым птицам, впервые приступившим к размножению (Мельников 2004). Обращают на себя внимание большие размеры яиц в рассматриваемой кладке, которые значительно превосходят размеры, известные для *L. semipalmatus*. К настоящему времени у нас собраны сведения о промерах 600 яиц азиатского бекасовидного веретенника (Мельников 1990, 1991, 1993). Ни одно из них даже не приближается по размерам к яйцам кладки, описанной В.Иоганзеном. Особенно бросаются в глаза различия в ширине (диаметре) яиц, которая в нашей большой выборке не превышает 35.7 мм, а в обсуждаемой кладке составляет от 36.1 до 37.0 мм. В то же время по длине яиц у *L. semipalmatus* и *L. limosa* возможно небольшое перекрытие. В нашей выборке этот показатель колеблется в пределах 45.0-57.0, а в обсуждаемой кладке – 54.2-55.8 мм. Величина яиц в последней достаточно характерна именно для западного большого веретенника *L. l. limosa* Linnaeus, 1758 (Гладков 1951). К сожалению, детальное описание окраски яиц в статье Иоганзена отсутствует, а она бы могла служить хорошим дополнительным признаком, особенно цвет пятен (Мельников 1990, 1993). У *L. semipalmatus* мы ни разу не встречали яйца удлинённой формы (n = 600), тогда как у *L. limosa* (при значительно меньшей выборке – примерно 150 яиц) они достаточно обычны (8-10%).

Судя по всем признакам, кладка, описанная В.Иоганзеном, принадлежит большому веретеннику. Указание на отстрел птицы, вспугнутой с гнезда, при отсутствии коллекционной шкурки, также указывает на возможность ошибки. Такие случаи для Западной Сибири известны (Liedel 1982, 2001; Мельников 2004).

Литература

Гладков Н.А. 1951. Отряд кулики Limicolae или Charadriiformes // *Птицы Советского Союза*. М., **3**: 3-372.

Гынгазов А.М., Миловидов С.П. 1977. *Орнитофауна Западно-Сибирской равнины*. Томск: 1-350.

Долгушин И.А. 1962. Отряд кулики // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **2**: 40-245.

Измайлов И.В., Боровицкая Г.К. 1973. *Птицы Юго-Западного Забайкалья*. Владимир: 1-315.

Иоганзен В.Г. 1923. Описание гнёзд и яиц птиц Сибири и прилежащих к ней стран. (По коллекции, приобретённой Зоологическим кабинетом от П.А.Шастовского) // *Изв. Томск. ун-та* **73**: 1-31.

Мельников Ю.И. 1985. Об экологии азиатского бекасовидного веретенника в дельте Селенги // *Бюл. МОИП*. Отд. биол. **90**, 1: 16-25.

Мельников Ю.И. 1990. Оологическая характеристика азиатского бекасовидного веретенника в дельте р. Селенги // *Орнитология* **24**: 131-132.

Мельников Ю.И. 1991. Экология азиатского бекасовидного веретенника на границе ареала в Восточной Сибири // *Экология* 3: 52-58.

Мельников Ю.И. 1993. Фенотипическая изменчивость окраски и рисунка яиц куликов (на примере вида с редуцированным размером кладки) // *Современные проблемы оологии*. Липецк: 98-100.

Мельников Ю.И. 2003. Азиатский бекасовидный веретенник: динамика численности и её особенности на северной границе ареала // *Орнитологические исследования в Сибири и Монголии*. Улан-Удэ, **3**: 160-181.

Мельников Ю.И. 2004. Пути миграций и динамика ареала азиатского бекасовидного веретенника *Limnodromus semipalmatus* на юге Западно-Сибирской равнины // *Рус. орнитол. журн.* **13** (262): 471-495.

Мельников Ю.И. 2005. *Структура ареала и экология азиатского бекасовидного веретенника Limnodromus semipalmatus (Blyth, 1848).* Автореф. дис. … канд. биол. наук. Улан-Удэ: 1-22.

Liedel K. 1982. Verbreitung und Ökologie des Steppenschlammläufers, *Limnidromus semipalmatus* (Blyth) // *Mitt. Zool. Mus. Berlin*. **58**, Suppl.: Ann. Ornithol. **6**: 147-162.

Liedel K. 2001. Der Steppenschlammläufers *Limnidromus semipalmatus* – ein wenig bekannter paläarktischer Brutvogel // *Limicola* **2**, 2: 65-104.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2007, Том 16, Экспресс-выпуск **342**: 115-121*

О гнездовой жизни сорокопута-жулана *Lanius collurio*

И.В.Прокофьева

Российский государственный педагогический университет,
Набережная реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия

Поступила в редакцию 8 января 2007

Мы изучали биологию размножения жулана *Lanius collurio* в Балашовской области в 1952 и 1953 годах и в Ленинградской области в 1955-1988 годах (с перерывами). В Балашовской области под наблюдением находилось 13 гнёзд, в Ленинградской – 34 гнезда.

Известно, что численность жуланов в разных частях ареала обычно не остаётся неизменной (Алланазарова, Сагитов 1979; Brandl, Lübece, Mann 1986). И действительно, например, на юге Ленинградской области, где мы работали, в первые годы наших наблюдений можно было без труда находить по нескольку гнёзд этих птиц за один сезон, тогда как позже, в 1968-1985 годах, мы не могли найти ни одного гнезда.

Гнездовые биотопы жулана весьма разнообразны. Так, из таблицы 1 видно, что в Ленинградской области эти птицы гнездятся на полянах, вырубках, лугах с кустарниками, по окраинам лесных дорог, в са-

дах, парках и в разреженных лесах. Что же касается Балашовской области, то здесь жуланы вьют гнёзда в зарослях бузины *Sambucus racemosa*, в кустарниках, в сосняках с подседом и т.п. (табл. 2).

Таблица 1. Биотопы гнездования жулана *Lanius collurio* в Ленинградской области

Биотопы	Число гнёзд
Поляна	11
Вырубка	1
Луг с кустарниками	9
Низина, поросшая ольхой	1
Дорога в смешанном лесу	1
Лиственный лес	2
Парк на берегу реки	3
Яблоневый сад	2
Смешанный лес на берегу реки	1
Сосновый лес	3

Таблица 2. Биотопы гнездования жулана *Lanius collurio* в Балашовской области

Биотопы	Число гнёзд
Вырубка, заросшая бузиной	6
Заросли бузины в сосняке	5
Сосняк с подседом	1
Кустарники на границе с ольшаником	1

Сроки гнездования жулана растянуты (Алланазарова, Сагитов 1979). В Ленинградской области к строительству гнёзд жуланы обычно приступают в третьей декаде мая (Мальчевский, Пукинский 1983), а в Балашовской несколько раньше, причём здесь нам удавалось отметить и случаи довольно позднего гнездования, а именно, в конце июня и в течение первой декады июля (Прокофьева 2006). В «Лесу на Ворскле» (Белгородская обл.) самая ранняя кладка была начата 15 мая, а повторные кладки появлялись в течение всего июня и в первых числах июля (Головань 2005).

Насиживание кладки продолжается около 2 недель (Reinsch 1985), Птенцы находятся в гнезде около 14 дней. После вылета птенцов из гнезда родители продолжают докармливать их в течение 2-3 недель (Reinsch 1989).

Заботясь о птенцах, взрослые птицы стремятся удобно располагать гнёзда с тем, чтобы последние были прочно укреплены и хорошо замаскированы. Для размещения гнёзд они нередко выбирают бузину. Недаром некоторые орнитологи даже рекомендуют специально выса-

живать этот кустарник для привлечения на гнездование разных птиц (Таращук 1953). Согласно наблюдениям других исследователей, жуланы выбирают бузину довольно часто (Мальчевский и др. 1955; Мальчевский 1959; Прокофьева 2006). Подтверждением этой точки зрения могут служить и результаты наших наблюдений (табл. 3 и 4). Однако такое предпочтение бузины характерно главным образом для средней полосы и более южных районов, тогда как в Ленинградской области жуланы очень любят устраивать свои гнёзда на небольших ёлочках *Picea abies* (табл. 3). Это наблюдали не только мы, но и другие исследователи (Мальчевский, Пукинский 1983). Иногда мы находили гнёзда этих птиц и на можжевельнике *Juniperus communis* и различных лиственных деревьях. Кроме того, 4 гнёзда были обнаружены в кучах хвороста, а 1 гнездо – в поваленном сухом кустарнике.

Таблица 3. Места расположения гнёзд жулана *Lanius collurio* в Ленинградской области

Место расположения гнезда	Число гнёзд
Ель	11
Можжевельник	4
Ива	3
Яблоня	2
Вишня	1
Ольха	2
Ясень	2
Шиповник	2
Жёлтая акация	1
Вяз	1
Липа	1
Куча хвороста	4
Поваленный сухой кустарник	1

Таблица 4. Места расположения гнёзд жулана *Lanius collurio* в Балашовской области

Место расположения гнезда	Число гнёзд
Бузина	12
Вяз	1

Как правило, жуланы устраивают свои гнёзда не очень высоко (табл. 5 и 6). Большинство гнёзд, найденных нами в Ленинградской области, были устроены ниже 2 м (за исключением 5 гнёзд). Однако в Балашовской области мы нашли гнездо, расположенное на высоте 4 м от земли, о чём мы уже писали (Прокофьева 2006). В то же время иногда встречаются гнёзда жуланов, находящиеся почти у самой земли.

Известны случаи даже настоящего наземного расположения гнёзд у сорокопута-жулана (Мальчевский 1959).

Таблицы 7 и 8 показывают, что большинство гнёзд жуланов хорошо замаскированы. Прежде всего, это характерно для гнёзд, расположенных на бузине (Мальчевский и др. 1953; Прокофьева 2006).

Таблица 5. Высота расположения гнёзд жулана *Lanius collurio* в Ленинградской области

Высота, м	Число гнёзд	Высота, м	Число гнёзд
Почти на земле	2	1.0	3
0.04	1	1.2	1
0.1	1	1.4	1
0.2	2	1.5	2
0.3	4	1.7	1
0.4	2	2.0	1
0.5	6	2.2	4
0.8	3		

Таблица 6. Высота расположения гнёзд жулана *Lanius collurio* в Балашовской области

Высота, м	Число гнёзд	Высота, м	Число гнёзд
0.2	1	1.7	2
0.8	1	1.8	2
1.4	2	2.0	2
1.55	1	4.0	1
1.6	1		

Таблица 7. Степень маскировки гнёзд жулана *Lanius collurio* в Ленинградской области

Маскировка	Число гнёзд
Хорошая	24
Посредственная	7
Плохая	3

Таблица 2. Биотопы гнездования жулана *Lanius collurio* в Балашовской области

Маскировка	Число гнёзд
Хорошая	6
Посредственная	3
Плохая	2
Отсутствует	2

Согласно сведениям, имеющимся в литературе, жуланы нередко используют для устройства гнёзд мутовки стволовой поросли дуба *Quercus robur*, липы *Tilia cordata* и тополя *Populus alba*, которые хорошо удерживают гнёзда, а листва делает гнездо мало заметным на фоне ствола дерева (Мальчевский и др. 1953).

Мы уже писали о том, что во время работы в Балашовской области нам удалось отметить два случая необычного гнездования у жулана (Прокофьева 2006). В первом случае в одной мутовке бузины были найдены 3 гнезда, вдетые одно в другое. Два нижних гнезда принадлежали жулану, а верхнее – зеленушке *Chloris chloris*. Во втором случае было обнаружено гнездо дубоноса *Coccothraustes coccothraustes* с 2 яйцами, в которое сразу же после появления второго яйца стала откладывать свои яйца самка жулана.

Мы ни разу не видели, чтобы жуланы гнездились во второй раз после того, как успешно вывели потомство. Отметим, что то же самое наблюдали и другие исследователи (Мальчевский 1959).

Известно, что средняя величина кладки у жулана в разных биотопах статистически не различается (Brandl, Lübece, Mann 1986). Число яиц в полной кладке варьирует от 3 до 7 (Мальчевский, Пукинский 1983). Считают, что чаще всего кладки содержат по 5 яиц (Мальчевский 1959). В то же время некоторые исследователи отмечали, что в первой кладке обычно содержится от 4 до 6 яиц, а в повторных – 2-3 яйца (Алланазарова, Сагитов 1979). Наши подсчёты числа яиц в гнёздах, где были полные кладки, показали следующее. В Ленинградской области 7 яиц оказалось в 1 гнезде, 6 – в 16, 5 – в 8, 4 – в 2 и 3 – в 2 гнёздах. В Балашовской области 6 яиц мы нашли в 3 гнёздах, 4 – в 2, 5 – в 2. Таким образом, больше всего было кладок из 6 яиц. В «Лесу на Ворскле», по данным В.И.Голованя (2005), также преобладали кладки из 6 яиц, однако в повторных кладках, начатых после разорения первого гнезда, всегда было не более 5 яиц.

Продолжительность насиживания составляет 14-17 дней. Вылупление всех птенцов выводка происходит в течение 2-3 дней. Наиболее интенсивно птенцы растут в первые дни после вылупления, а затем рост замедляется в период бурного развития оперения. Поскольку жуланы гнездятся в легкодоступных местах, успешность размножения у них очень низкая (Алланазарова, Сагитов 1979). В «Лесу на Ворскле», по данным наблюдений за 29 гнёздами в 1983 году, успешность гнездования (число слётков от общего числа отложенных яиц) составила 53.8%, а на одну гнездившуюся пару в среднем приходилось 1.55 слётка (Головань 2005).

Отмечены случаи, когда родители кормили своё потомство кусками тела погибшего птенцы, предварительно расчленив его (Прокофьева 2003). По-видимому, гибель отдельных птенцов иногда происходит

из-за неравномерного распределения пищи между членами выводка (Мальчевский 1959). В Ленинградской области из 34 найденных гнёзд 4 гнезда были разорены, 3 брошены, а в одном гнезде погибли все птенцы по неизвестной причине. В Балашовской области из 13 гнёзд, за которыми мы наблюдали, жуланы бросили 4 гнезда, а 2 гнезда были разорены. Одно гнездо оказалось брошенным, когда оно ещё не было достроено.

К приёмам отпугивания врагов, которые иногда применяют жуланы, относятся нападения на врага и удары клювом, лапами и всем телом (Мальчевский 1959). Однажды самец жулана напал на нас и был настолько агрессивен, что сбил с головы шапку.

Однако не всегда такое агрессивное поведение даёт положительные результаты. Известен случай, когда горностай *Mustela erminea* подобрался к гнезду жуланов, проник в него, проделав в его дне большое отверстие, умертвил всех находившихся в нём птенцов и затем стал по очереди утаскивать их (Мальчевский и др. 1955).

Кормят птенцов жуланы не очень часто, т.к. их добычей служат преимущественно крупные объекты. Как мы уже сообщали, об этом свидетельствуют результаты круглосуточных наблюдений, проведённых у двух гнёзд 19 июня 1958 и 22 июня 1961 в Ленинградской области (Прокофьева 2003). Возраст птенцов в обоих гнёздах был почти одинаковый: 1-3 сут в первом и 3 сут во втором. Оба выводка состояли из 6 птенцов. В первом случае родители подлетели с кормом к гнезду 115 раз за сутки, во втором – 185. «Рабочий день» продолжался 17.5 ч. В дополнение к этому отметим, что 22 июня 1961 среднее число прилётов с кормом в час составило 9.5. Родители начали кормить птенцов в 4 ч 15 мин, а закончили в 21 ч 45 мин. Погода стояла хорошая, солнечная. Максимальные перерывы между кормлениями равнялись 40 мин. Ночной перерыв составил 6 ч 30 мин.

Для сравнения приведём результаты наблюдений за суточной активностью жуланов, проведённых другими исследователями. Так, например, есть сведения о том, что в день вылупления последнего птенца жуланы прилетали с кормом 51 раз за день, а спустя 9 дней – 70 раз (Алланазарова, Сагитов 1979). По наблюдениям других орнитологов, пятерых однодневных птенцов жуланы накормили 199 раз, а 11-дневных – 265 раз в сутки (Гаврин, Дацкевич 1958). Есть также сведения о том, что 10-дневные птенцы получили пищу 268 раз в течение суток (Reinsch 1989). Такую частоту кормления нужно признать очень значительной, если учесть, что птенцы иногда получают корм всего 51-70 раз (Алланазарова, Сагитов 1979) и 71 раз за сутки (Матякубов 1981). Интересна доля участия полов в выкармливании птенцов. Нам удалось отметить, что самец кормит птенцов чаще, чем самка (Прокофьева 2003). Аналогичные сведения есть и в литературе (Durango 1956).

Из всего сказанного следует, что образ жизни жуланов, и в том числе их поведение, характеризуется некоторыми особенностями, которых мы не наблюдаем у других птиц. Поэтому сведения о том, как они живут, безусловно, заслуживают внимания.

Литература

Алланазарова Н., Сагитов А.К. 1979. Материалы по экологии гнездования сорокопута-жулана *(Lanius collurio phoenicuroides)* и чернолобого сорокопута *(Lanius minor)* // *Экология гнездования птиц и методы её изучения*. Самарканд: 9-10.

Гаврин В.Ф., Дацкевич В.А. 1958. Экология жулана (*Lanius cristatus collurio* L.) в Беловежской пуще // *Зоол. журн*. **37**, 7: 1082-1091.

Головань В.И. 2005. Биология жулана *Lanius collurio* в "Лесу на Ворскле" // *Рус. орнитол. журн*. **14** (277): 59-62.

Мальчевский А.С., Покровская И.В., Овчинникова Н.П., Геракова Т.Н. 1955. Об экологических закономерностях распределения птичьих гнёзд в лесу (по наблюдениям в лесостепной дубраве «Лес на Ворскле» // *Учён. зап. Ленингр. ун-та* **181**: 77-101.

Мальчевский А.С. 1959. *Гнездовая жизнь певчих птиц: Размножение и постэмбриональное развитие лесных воробьиных птиц Европейской части СССР*. Л.: 1-282.

Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., **2**: 1-504.

Матякубов С. 1981. Суточные ритмы активности гнездящихся сорокопутов // *Тез. докл. 8-й Всесоюз. орнитол. конф*. Кишинёв: 149.

Прокофьева И.В. 2003. О поведении и питании сорокопутов-жуланов *Lanius collurio* в гнездовое время и после него // *Рус. орнитол. журн*. **12** (217): 343-351.

Прокофьева И.В. 2006. Отношение птиц к бузине *Sambucus racemosa* – месту гнездования и источнику пищи // *Рус. орнитол. журн*. **15** (315): 351-358.

Таращук В.И. 1953. *Птицы полезащитных насаждений*. Киев: 1-124.

Brandl K., Lübke W., Mann W. 1986. Habitatwahl bum Neuntöter *Lanius collurio* // *J. Ornithol*. **127**: 69-78.

Durango S. 1956. Territory in the red-backed shrike *Lanius collurio* // *Ibis* **98**, 3: 476-484.

Reinsch A. 1989. Zur Brutbiologie und Ökologie des Neuntöters *(Lanius collurio)* // *Voliere* **12**, 5: 132-134.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2007, Том 16, Экспресс-выпуск **342**: 122-124*

Сведения о размещении перевесов как материалы для оценки обилия водоплавающих птиц в историческое время

С.В.Кириков

Второе издание. Первая публикация в 1965[*]

Регулярные известия о распространении тех или иных видов водоплавающих птиц стали появляться в письменных источниках нашей страны с XVIII века. До этого были лишь редкие и отрывочные сообщения о местах пребывания очень немногих видов.

Гораздо больше сведений о массовой ловле водоплавающей дичи. Наиболее распространённым способом ловли птиц в XIV-XVII веках была ловля их с помощью перевесов. Чтобы устроить перевес, надо было не только связать и установить сеть, но и прорубить просеку на пути перелёта птиц (обычно её прорубали либо в излучине реки, либо между озёрами и старицами). Затраты труда на устройство перевеса могли окупиться лишь там, где в перевесы ловилось много дичи. Поэтому по размещению перевесов можно (в известной мере) судить об обилии водоплавающей дичи. Сохранились известия о том, сколько уток и гусей добывалось перевесами в отдельных местах. На Молого-Шекснинской низине, например, ещё в середине XIX столетия перевесом нередко ловили до 200 уток за одну зорю. В те же приблизительно годы жители трёх сёл Василь-Сурского уезда в осенние ночи ловили «в сети» по 3000 уток и гусей (Вейнберг 1884)[†]. В долине Оби множество уток ловилось в перевесы ещё в 1880-1890-х годах. В Нарымском крае за ночь добывали от 20 до 200 уток и несколько гусей, а у Самарова – от 50 до 100 уток и гусей.

Успех ловли птиц в значительной мере зависел от удачного выбора места ловли и от расположения просеки. На прорубание последней и поддержание её в порядке нередко затрачивалось больше труда, чем на вязание и установку самой перевесной сети. Поэтому в старинных письменных документах под перевесом («перевесьем», «перевесищем») обычно подразумевалась не сама сеть, а просека и место, где устанавливалась сеть. Перевесные «плохи» (просеки) передавались по наследству и могли быть проданы, обменены или переданы как вклад мона-

[*] Кириков С.В. 1965. Сведения о размещении перевесов как материалы для оценки обилия водоплавающих птиц в историческое время // *География ресурсов водоплавающих птиц в СССР*. М., **1**: 36-39.

[†] Под «сетями» автор, по-видимому, подразумевал подвесные сети.

стырю и т.д. Важное экономическое значение перевесов видно из того, что в старинных правовых кодексах (Правда Русская, Статуты Великого княжества Литовского, Судебник Ивана Грозного) имелись специальные пункты о строгих наказаниях лиц, укравших перевесную сеть или испортивших перевесье.

Ещё С.Руденко (1929), автор специальной статьи о перевесе, обратил внимание на то, что перевесы были широко распространены в нашей стране. После опубликования этой статьи вышло в свет несколько обширных собраний древних актов из истории нашей страны, в которых содержатся упоминания о местах, где устраивались перевесы. Это даёт возможность рассмотреть географическое размещение перевесов более обстоятельно, чем это можно было сделать прежде.

Перевесы устраивались не во всех природных зонах. В зоне тундр, где узкие полоски леса или кустарниковых ив были только по долинам некоторых рек, водоплавающую дичь при помощи перевесов, повидимому, не ловили.

В северной тайге перевесы устраивались во многих местах. В исторических актах имеются сведения о перевесах на Ластоле, Онеге, Неноксе, Емце, Лодме, Северной Двине, Мезени, Выми, Ижме, Печоре. По Вымскому уезду, например, в начале XVII в. в писцовой книге было отмечено 76 перевесов.

Более многочисленны сведения о размещении перевесов в более южных частях лесной зоны. Значительная часть этих сведений касается размещения перевесов в Молого-Шекснинской низине и Подмосковье, и относится к XV-XVII векам. Из рек, на которых устраивались перевесы, наиболее часто упоминались Молога и Шексна с некоторыми их притоками, а также Клязьма с Шерной и Дубной.

Много перевесов было и в долине Оки. Наиболее ранние сведения об их размещении относятся к середине XIV века. Сохранились сведения XVI и XVII веков о перевесах по рекам Мокше, Пьяне, Суре и по некоторым их притокам. Довольно редки известия о размещении перевесов в Белоруссии и Смоленской земле. Объясняется это отчасти тем, что во множестве исторических документов XV-XVII вв., касающихся Белоруссии и Смоленской земли, о птичьих ловах сообщается в общей форме, без упоминания о способах лова. Прямых же указаний на то, где были перевесы, немного. В долине лесного течения Днепра перевесы отмечены в окрестностях городов Любеча, Могилёва и Дорогобужа (XIV-XVII вв.).

В лесостепи перевесы были столь же обычны, как и в южной полосе лесной зоны. Хорошо известно и не раз упоминалось в различных изданиях сообщение летописца о том, что во владениях великой княгини Ольги были перевесища по Днепру (у Киева) и по Десне. В письменных источниках XVI и XVII вв. имеются сведения о том, что перевесы

были на Десне у Новгород-Сиверска, а также и на других реках в бассейне Десны – по Сейму, Ивоти, Малотечке, Ласке, Выри. Упоминалось также о перевесах по реке Псёлу и по Северскому Донцу в Чугуевском уезде. В бассейне лесостепного течения Дона перевесы в XVI-XVII вв. были наиболее обычны по Хопру, Вороне, Корочану. Реже упоминания о перевесах по рекам Быстрой и Тихой Сосне, Калитве и Чёрной Калитве, Семейне, Полубенке, Мароку. В те же века ловля птиц перевесами была обычна в верхнем течении Цны и её притоков – Челновой и Отъясы. В лесостепном Приуралье перевесы существовали ещё в XVIII веке как на западной стороне – по Ику (Камскому), Деме и Уфе, так и в Зауралье, где ловлю птиц перевесами наблюдал П.С.Паллас.

Водоёмы степной Украины, степного Дона и Поволжья были богаты водоплавающей дичью вплоть до конца XIX века, но ловли уток и гусей при помощи перевесов там, видимо, не было; в поймах степных рек было мало таких мест, где можно было бы устраивать перевесы.

Помимо географического размещения перевесов исторические акты позволяют установить, что ловля перевесами в одних и тех же местах производилась в течение десятилетий и столетий. В 20 км к северо-востоку от Москвы находятся небольшие Медвежьи озёра. Возле них ловля птиц перевесами производилась по крайней мере свыше 100 лет. Наиболее раннее из известных сообщений о здешних перевесах относится к 1380-1382 гг., а наиболее позднее – к 1498-1499 гг. Сведения о перевесах в долине Оки в пределах Рязанского края охватывают время с 1356 по 1628 г. Следовательно, в этих местностях пролетало так много водоплавающих птиц, что было выгодно устраивать и поддерживать перевесы в течение многих лет. Такой же вывод применим и к Молого-Шекснинской низине, где ловля птиц перевесами отмечена во многих исторических актах, начиная с середины XV в. и кончая серединой XIX в.

Сведений о том, какие именно птицы ловились перевесами, сохранилось немного. Известно, например, что кое-где в перевесы попадались главным образом гуси, а не утки. Так, в исторических документах XVI-XVII вв., относящихся к Темниковскому и Кадомскому уездам, упоминались гусиные перевесы.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2007, Том 16, Экспресс-выпуск **342**: 125-126*

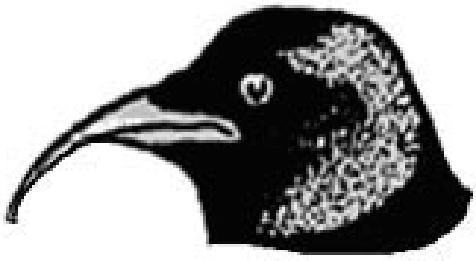
Галки *Corvus monedula* с гипертрофированным надклювьем

К.Ю.Домбровский

Государственный научно-исследовательский институт озёрного и речного рыбного хозяйства (ГосНИОРХ), Набережная Макарова, д. 26, Санкт-Петербург, 199053, Россия

Поступила в редакцию 4 декабря 2006

В литературе иногда встречаются сведения о живущих в природе птицах, имеющих разнообразные аномалии в строении клюва. Эти аномалии могут быть как приобретёнными (в результате травмы), так и врождёнными. Очевидно, что такие особи не всегда могут добывать, собирать и поедать пищу таким же образом, как это делают другие представители вида. Но они всё же выживают и даже по упитанности не отличаются от «нормальных» птиц. Например, А.С.Мальчевским и Ю.Б.Пукинским (1983) описан экземпляр вальдшнепа *Scolopax rusticola* из коллекции кафедры зоологии позвоночных Санкт-Петербургского университета. У этой птицы в результате старой травмы клюв был очень коротким – всего 2 см длиной, т.е. в 4 раза короче нормального. Тем не менее, добытая птица была хорошо упитана. Это говорит о том, что вальдшнеп, не имея возможности зондировать почву клювом, собирал пищу с её поверхности. И благополучно жил.



Голова галки *Corvus monedula* с аномально развитым надклювьем. Красное Село.

Мне довелось наблюдать двух галок *Corvus monedula* с аномально гипертрофированным надклювьем: очень длинным, тонким и довольно круто загнутым книзу. Ясно, что такая аномалия была врождённой. Но, тем не менее, одна из этих птиц, по моим наблюдениям, жила с таким клювом как минимум 5 лет.

Впервые галку с таким причудливым клювом я увидел в городе Суворове Тульской области 28 февраля 1994. Птица вместе с несколькими другими галками бродила по заснеженному газону под окнами маленькой гостиницы. Галки искали что-то съедобное в мусоре, выбрасываемом из окон постояльцами. Как кормилась птица с аномальным клювом, я не увидеть не смог. Пока я смотрел на неё, она просто бродила по газону. Но упитана она была ничуть не хуже, чем её сородичи. Хотя размерами немного уступала любой из галок этой стайки. И белёсый «воротник» на её шее выделялся несколько слабее, чем у других птиц.

Вторую галку с точно такой же аномалией я увидел 5 сентября 1996 в Красном Селе (Красносельский район Санкт-Петербурга). Надклювье у этой птицы было точно такой же необычной формы. Даже маленькое утолщение (как застывшая капля) на конце клюва было.

Именно эту птицу я периодически наблюдал почти на одном и том же месте (в пределах одного квартала) с 5 сентября 1996 по 17 марта 2001. За это время я смог не только предельно точно зарисовать её облик, но и проследить некоторые детали поведения. Она не отличалась ни по упитанности, ни по интенсивности окраски от других галок, находившихся рядом с ней. Кормилась обычно вместе с другими птицами. Собирать что-то с земли (или снега) так, как это делают галки с обычным клювом, она не могла. Но птица приспособилась – она наклоняла голову в сторону и подбирала корм боковой стороной клюва.

В 1996 году я наблюдал эту галку 5 раз: с 5 сентября по 13 ноября. В 1997 году она мне встретилась 4 раза: 10 июля и с 10 октября по 27 ноября. В течение 1998 и 1999 годов я её не видел ни разу. Решил, было, что она уже совсем исчезла. Но 13 января 2000 увидел снова галку с таким же аномально гипертрофированным надклювьем. Так как она держалась в пределах всё того же квартала, я думаю, что это та же самая птица. Ещё дважды я видел её в январе и по разу в июне и ноябре 2000 г. Последнее наблюдение этой галки с аномальным клювом датировано 17 марта 2001.

Литература

Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., **2**: 1-504.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2007, Том 16, Экспресс-выпуск **342**: 126-127*

Осенний залёт бургомистра *Larus hyperboreus* в Северный Казахстан

Н.Н.Березовиков

Лаборатория орнитологии, Институт зоологии Центра биологических исследований Министерства образования и науки Республики Казахстан. E-mail: InstZoo@nursat.kz

Поступила в редакцию 26 декабря 2006

Бургомистр *Larus hyperboreus*, населяющий арктические побережья и острова, в период кочёвок иногда залетает во внутриконтинентальные части Евразии до Чёрного и Каспийского морей, бассейнов Дона,

Волги и Иртыша (Долгушин 1962; Юдин, Фирсова 1988). В Казахстане известен случай добычи одного экземпляра 30 октября 1969 в нижнем течении реки Или близ Чилика (Gavrilov 2005). Очередной случай залёта этой чайки наблюдался мной в Кустанайской области на озере Койбагар (52°33′ с.ш., 65°34′ в.д.). Во время вечернего учёта гусей и казарок, вылетающих на поля, 1 октября 2006 была замечена крупная чайка величиной с белолобого гуся *Anser albifrons*, пролетевшая в западном направлении вместе с хохотуньями *Larus cachinnans*. Голова у неё была белая, верхняя стороны тела сизая, крылья также сизые, без тёмных концевых вершин. Птица хорошо выделялась среди других чаек не только крупными размерами, но и манерой полёта – изгибом крыльев, размеренными и глубокими их взмахами.

Литература

Долгушин И.А. 1962. Отряд Чайки – Lariformes // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **2**: 246-327.

Юдин К.А., Фирсова Л.В. 1988. Бургомистр – *Larus hyperboreus* Gunnerus, 1767 // *Птицы СССР. Чайковые*. М.: 165-174.

Gavrilov T.I. 2005. The Birds of Kazakhstan (abridged edition) // *Tethis Ornithological Research*. Almaty, **2**: 1-222.